

С. Т. Махлина

Россия–Япония в судьбе художницы В. Д. Бубновой

Многие считают, что от судьбы не уйдешь. Другие, наоборот, думают о том, что человек – кузнец своей судьбы. Правы и те, и другие. Это наглядно отразилось в судьбе В. Д. Бубновой. Варвара Дмитриевна Бубнова родилась и училась в Петербурге. Здесь она сформировалась как художник. Но судьба забросила ее в Японию, где она провела 36 лет, внося весомый вклад в художественную культуру Японии. Здесь она работала с поэтами-переводчиками любимого ее А. С. Пушкина. Опять же, по велению судьбы, она вернулась на Родину. И здесь, уже будучи немолодой, продолжала творческую работу. Когда ей исполнилось 95 лет, в Ленинградском отделении Союза художников была организована ее персональная выставка. Судьба Варвары Дмитриевны Бубновой сложилась так, что она и в Японии, и в России сумела оставить яркий след в искусстве и культуре.

Ключевые слова: Варвара Дмитриевна Бубнова, Россия, Япония, переводы, преподавание русского языка, живопись

Svetlana T. Makhlina

Russia–Japan in fate of artist V. D. Bubnova

Many people believe that the fate did not go away. Others, on the contrary, think that a person is a blacksmith of his own destiny. Both are right. This situation is clearly reflected in the fate of V. D. Bubnova. Varvara Dmitrievna Bubnova was born and studied in Saint Petersburg. Here she was formed as an artist. But destiny brought her to Japan where she spent 36 years. She has made a significant contribution to the artistic culture of Japan. With poets and translators of the poems of Pushkin she worked. She returned home at the behest of fate. At home, already elderly, she continued her creative work. When she was 95 years old, her solo exhibition at the Leningrad branch of the Union of Artists was organized. The fate of Varvara Dmitrievna Bubnova left a vivid mark in the art and culture of Japan and Russia.

Keywords: Varvara Dmitrievna Bubnova, Russia, Japan, translations, Russian language teaching, painting

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-92-97

Многие считают, что от судьбы не уйдешь. Другие, наоборот, думают о том, что человек – кузнец своей судьбы. Правы и те, и другие. Это наглядно отразилось в судьбе Варвары Дмитриевны Бубновой.

Она родилась в Петербурге в 1886 г. в одном из поэтичнейших районов города – Коломне, воспетой еще А. С. Пушкиным. Здесь предпочитали жить поэты, художники, зодчие. Недалеко от дома, где родилась Варвара Дмитриевна, находился Мариинский театр, был расположен и существует до сих пор Никольский Морской собор с потрясающей красоты и потому знаменитой стройной колокольней Саввы Ивановича Чевакинского. Семья, в которой родилась Варвара Дмитриевна, была интеллигентной и тяготела к художественной культуре. Любопытно, что с детства Вареньки семья выезжала на лето в имение деда в Берново. Дед Вареньки, отец ее матери, Николай Иванович Вульф, будучи четырнадцатилетним мальчиком, запомнил Александра Сергеевича Пушкина. Как мы все хорошо знаем, Пушкин приезжал сюда к Осиповым-Вульфам. Характерно, что мальчик запомнил поэта в его излюбленной позе – лежа на диване. Это было наиболее удобное положение для создания художественных произведений (как извест-

но, Пушкин обычно любил писать лежа). В доме деда Варенька нашла бювар бабушки, который во многом описывал особенности пушкинской эпохи. Здесь она нашла две книжки «Современника» 1836 г. Так с детских лет возник в душе Вареньки культ А. С. Пушкина, который она пронесла через всю жизнь. Впоследствии она приезжала, уже став взрослой, в Берново и читала уже новых поэтов – Блока, Белого, Бальмонта, Сологуба. Но Пушкин продолжал оставаться самым любимым и самым востребованным поэтом, что в дальнейшем отразилось на ее судьбе.

Кроме того, в семье очень любили музыку – мать хорошо играла на фортепиано, а две сестры Варвары Дмитриевны стали профессиональными музыкантами: старшая Маша была пианисткой, младшая Анна – скрипачкой. Учились они в консерватории у выдающихся профессоров. Кстати, сама консерватория находилась неподалеку от дома Бубновых.

Однако маленькая Варенька отнюдь не обладала выдающимися музыкальными данными. Поэтому в 12 лет ее отдали в рисовальную школу при Обществе поощрения художников. Поначалу рисование отнюдь не стало главной любовью девочки. Лишь окончив гимназию, она поняла, что ее основным призванием в жизни

является изобразительное искусство. В 1907 г. она сумела попасть в Академию художеств, выдержав огромный конкурс – из 250 поступавших было принято всего лишь 16 человек! Это было счастьем для молодой девушки.

Именно здесь произошла судьбоносная встреча с Матвеем (Вальдемаром Яновичем Матвейсом, псевдоним – Владимир Марков). Встреча с ним во многом определила дальнейшую жизнь и творчество будущей художницы. Он ввел ее в дом Щукина, дав возможность познакомиться с творчеством французских импрессионистов, он познакомил ее с ведущими представителями русской поэзии и изобразительного искусства. Он помог ей, по ее словам, освободиться «от привычного толкования видения мира, которое мы в силу привычки можем принимать за единственно правильное» (цит. по: [1, с. 14]).

Матвей организовал в 1909 г. «Союз молодежи». Такие известные художники, как М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, К. С. Малевич, М. В. Матюшин, П. Н. Филонов, В. Е. Татлин принимали участие в выставках этого объединения. Первая выставка этого объединения проходила в 1910 г., в которой принимала участие и В. Д. Бубнова. К сожалению, работа Бубновой, экспонировавшаяся на этой выставке, не сохранилась.

После этого она участвовала в выставках «Бубнового валета», «Ослиного хвоста». Подписывалась она именем Д. Варварова, а Матвей подписывался псевдонимом В. Марков. В члены «Союза молодежи» она была принята вместе с В. Татлиным. Одно это свидетельствует о высоком профессиональном уровне Варвары Дмитриевны. В этот период ее окружали наиболее яркие представители российского авангарда, повлиявшего на развитие мирового изобразительного искусства. В дальнейшем эта связь с самыми передовыми веяниями художественной культуры воздействовала через нее и на японскую художественную жизнь.

Матвей задумал выпускать журнал. В 1912 г. был издан первый журнал с материалами об искусстве Дальнего Востока – Китая и Японии. В этом журнале Варвара Бубнова опубликовал статью о персидском искусстве. Здесь же были даны иллюстрации китайской скульптуры VI в., индийской миниатюры XVIII в., переводы из китайской поэзии. Сам Матвей опубликовал статью «Принципы нового искусства» под псевдонимом В. Марков.

Следующий номер журнала был посвящен футуризму. Так как Варвара Дмитриевна знала европейские языки, что впоследствии благоприятно отразилось на ее судьбе, для этого номера она перевела с французского языка «Манифест

футуристической живописи». Этот журнал дал повод устроить диспут между футуристами и кубофутуристами, в котором участвовали многие видные деятели искусства того времени: Д. Бурлюк, В. Маяковский, М. Добужинский, Я. Ционглинский, А. Бенуа.

Круг интересов Матвея был чрезвычайно широк. Так, по его инициативе, она предприняла поездку в 1911 г. в Италию – с ним и своими соученицами по Академии сестрами Ухановыми. Переезжая из города в город, они заносили рисунки в маленькие блокнотики, которые носили с собой. Под влиянием Матвея у нее по возвращении проявился интерес к русской иконе. И снова Матвей увлекает ее на новое постижение тайн искусства. Его заинтересовала африканская скульптура. И для того, чтобы ближе с ней познакомиться, они предпринимают поездки в Бельгию, Голландию, Англию. В этих музеях были интересовавшие их экспонаты африканской скульптуры. Особенно понравилась Матвею скульптура Бенина (те, кто видел ее, могут вполне понять и оценить высокий вкус друга Бубновой). Благодаря полученным знаниям, Матвей сумел написать книгу об африканском искусстве. Впоследствии Бубнова постарается ее опубликовать.

Как мы видим, интересы Матвея были чрезвычайно разносторонни. Он собирал материалы по изобразительному искусству Китая и Японии. Его интересы во многом предопределили направление творчества Бубновой, которая всегда интересовалась самыми новейшими течениями в искусстве своего времени.

Очень жаль, а для судьбы Бубновой это была тяжелая утрата – Матвей скоропостижно скончался в мае 1914 г. Она писала о нем: «Его жизнь была проста, душа – гуманна и ясна и вся направлена на искание прекрасной формы. Он любил и искал ее как мечтатель, а как художник ремесла добивался ее потом и кровью» (цит. по: [1, с. 45]). Таким образом, Бубнова оказалась вдовой, даже не став женой Матвея, но на всю жизнь сохранила ему верность и почитание.

Несмотря на потери, жизнь продолжалась. В 1914 г. Варвара окончила Высшее художественное училище при Академии художеств и была удостоена звания художника. После получения диплома она постаралась устроиться в граверную мастерскую Василия Васильевича Матэ. Для нее это был повод понять и узнать особенности работы в граверной мастерской. Особенно ее интересовала работа в области гравюры на дереве – в этом видно влияние Матвея на постоянные поиски новых горизонтов в творчестве. В это время в Академии художеств открылась фресковая мастерская. И она заин-

тересовалась и этим направлением в изобразительном искусстве. Увлелась она и созданием цветных изразцов. Как видим, судьба готовила Варвару Дмитриевну к разным способам осмысления выразительных средств искусства.

Но жизнь семьи была довольно сложна. Ее отец скончался незадолго до смерти Матвея. Мать страдала от этого и заболела. Старшая сестра разошлась с мужем. А младшая после окончания консерватории преподавала в музыкальной школе, выступала на концертах и стала изучать японский язык на курсах, где познакомилась со своим будущим мужем Оно Сюньяти и вскоре уехала с ним в Японию. Поэтому для поддержания жизни семьи Варвара вынуждена была найти работу. Она стала преподавать рисование в школе.

Но главным для Варвары стала популяризация идей Матвея. Она дотошно подбирала его оставшиеся тетради, стараясь подготовить к публикации его труды. К тому же, по настоянию Матвея, она вместе с ним поступила еще в 1913 г. Археологический институт. Теперь, имея большую нагрузку, она все же продолжала занятия, и в 1915 г. окончила его.

Девушка, не жалея себя, работала и старалась как можно более многообразно погрузиться в тайны изобразительного искусства. В школьные каникулы она отправилась в поездки по русским городам – побывала в Ярославле, Владимире, Юрьеве-Подольском, Ростове Великом. Потом остановилась в Москве. Судьба была к ней благосклонна. Она познакомилась с профессором Вячеславом Николаевичем Щепкиным, хранителем Исторического музея. Для нее это было важное знакомство, так как она старалась изучить древние рукописи. Несмотря на то, что Щепкин приглашал ее работать в Историческом музее, она вернулась в школу в Петербург. Только теперь Петербург стал Петроградом. А из Москвы получала постоянные приглашения.

Время приносило все новые, отнюдь не радужные, события. Наступила Февральская революция 1917 г. Поначалу интеллигенция встретила ее с энтузиазмом. Но жизнь становилась все сложнее и сложнее. И когда из Москвы пришел вызов из Исторического музея, она уехала туда. Здесь она должна была составлять каталог «лицевых рукописей». Это была сложная работа, но сложность окупалась тем, что в этих рукописях было много миниатюр, что было интересно для Бубновой. Живя в доме у Щепкиных, она написала портреты младшей дочери Щепкина – Лизы, а потом портреты Татьяны Дмитриевны Гончаровой – двоюродной сестры Бубновой, Ольги Ивановны Поповой – видного филолога.

Работы эти были отнюдь не дилетантские и составлялись на московских выставках. Не забыла она и уроки гравюры, которую осваивала под руководством В. В. Матэ, продолжая заниматься ею под руководством его ученика – Вадима Дмитриевича Фалилеева. Портрет Бубновой его работы и ее офорт теперь хранятся в ГМИИ им. А. С. Пушкина. В это время она вращалась среди самых ярких и интересных представителей художественной интеллигенции – слушала выступления А. Белого, В. Маяковского, В. Хлебникова.

Именно к этому времени ей удалось наконец подготовить к печати книгу Матвея. Можно себе представить, какой интерес она вызвала в среде художников, если обложку к ней согласился исполнить Натан Альтман. Книга вышла в 1919 г. в Петрограде. Конечно, Бубнова была счастлива, но счастье это омрачила смерть Вячеслава Николаевича Щепкина. Все же в 1920 г. открылся ИНХУК (Институт художественной культуры), что очень напоминало искания Матвея. Многие из его представителей становятся ее друзьями – Александр Михайлович Родченко, его жена Варвара Федоровна Степанова, Любовь Сергеевна Попова. Варвара Дмитриевна была не пассивным слушателем, а активным творческим деятелем. Так, в ИНХУКе она прочитала 18 августа 1920 г. доклад «О „тяжести“ в африканской скульптуре» по материалам Матвея. Насколько это было серьезно, можно судить по тому, что на нем присутствовали А. Родченко, В. Степанова, Л. Попова, Р. Фальк и многие другие. Кроме того, она сделала доклад о русском лубке, что было близко именно представителям авангардного искусства, с которыми она общалась.

В творческом плане, казалось бы, все было хорошо. Но жизнь была неустроенной и тяжелой, а в это время пришло письмо от сестры из Японии. У нее родился сын, и она просила Варвару приехать к ней вместе с матерью, выслав при этом деньги на дорогу. И храбрая Варвара вместе с матерью 13 февраля 1922 г. отправилась в далекую Японию. Варваре в это время было 26 лет. Но мы видели, что она уже очень многое знала и понимала в современном искусстве.

Конечно, в новых условиях у любого человека оказалась бы страшная болезнь, ностальгия, – ведь потерять тот цвет интеллигенции, который ее окружал, совсем непростая перемена. Но Бубнова и здесь сумела победить судьбу, оставившись в Японии долгое время – целых 36 лет. И хотя судьба к ней была отнюдь неблагоприятна, она сумела выстоять и в этот период и добиться ощутимых успехов. Легко себе представить, что когда человек приезжает в другую

страну, он становится безъязыким. Чтобы как-то суметь существовать в новой среде, обязательно надо выучить язык. И с этой сложной задачей – ведь знание европейских языков не спасает в изучении японского языка – Бубнова тоже сумела справиться.

Сыграли важную роль и следующие обстоятельства. Во-первых, Бубнова хорошо была знакома с разными направлениями современного авангардного искусства, которых было много, очень часто взаимоисключающих друг друга [2]. В тот период, когда Бубнова приехала в Японию, в ее изобразительном искусстве сложилась сходная ситуация, которая была характерна и для России. Кроме того, будучи адептом Академии художеств, где реалистическое искусство до сих пор является самой сильной стороной в учебной работе, она ощутила это и в Японии, где реалистические интенции получили развитие начиная с XIX в.

Когда мы видим произведения художников из далеких регионов, они кажутся нам очень условными. Но когда воочию познакомишься с жизнью этого ареала, оказывается, что они очень и очень реалистичны. Так было и в Японии для Варвары Дмитриевны. Вот интересное свидетельство Д. Аркина: «Японская гравюра и живопись теряют свою условность, когда сравниваешь ее листы с подлинным японским пейзажем» (цит. по: [1, с. 131]).

Понятно, что активная творческая струя в жизни Бубновой не могла оставить ее в стороне от художественных процессов в Японии. Она вместе с матерью поселилась в семье сестры, где японские родственники оказались весьма радушными людьми. Муж сестры, Оно Сюнъяти, будучи известным человеком, ввел ее в круг японской интеллигенции, и, что особенно важно, познакомил с японскими русистами. Как человек, тяготеющий к новым знаниям, Бубнова поступила в Токийское художественно-промышленное училище. Конечно же, это стало возможно благодаря помощи Оно. Она познакомилась с традиционной японской живописью «ямато-э», с древними скульптурами «ханива», с пейзажами тушевой живописи – суйбоку-га. При этом она продолжала работу над осмыслением русского искусства и опубликовала статью «О направлениях в современной русской живописи» в журнале «Мысль» («Сисо») уже в октябре 1922 г. В это время она познакомилась с молодыми художниками Японии, напоминовавшими ей молодежь Москвы и Петербурга того времени.

Всю жизнь Варвара Дмитриевна привыкла трудиться. И здесь уже с сентября 1924 г. она стала преподавать русский язык в университете Васэда. В училище, в котором она продолжала

заниматься, она встретила Владимира Александровича Головщикова, который был младше ее на 11 лет. Несмотря на разницу в возрасте, они зарегистрировали брак в 1927 г.

Преподавание русского языка Бубновой было весьма эффективным для японских русистов. Она помогла им освоить тайны русского поэтического языка, который очень хорошо знала и особенно любила Пушкина. (Вспомним детские годы, проведенные в Берново.) Ее знания оказывались бесценными для японских филологов, и они с благодарностью о ней отзывались многие годы спустя. Русистов в первую очередь привлекали произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, и знания Бубновой были весьма полезны. Бубнова поощряла переводы А. С. Пушкина, творчество которого она очень хорошо изучила, а переводить Пушкина было очень и очень сложно: помощь Бубновой была в этом плане весьма эффективной. Она сумела сделать так, что японские переводы этого поэта и писателя смогли передать все оттенки и тонкости его языка. К слову сказать, и переводы японских стихов на русский тоже достаточно сложны, и опять помощь Бубновой была полезной и весьма важной. Большое внимание она уделяла и детской литературе, которая в России была весьма высокого уровня. Ее помощь оказывалась и в этом плане очень серьезной. Так переводы на русский язык японских текстов – литературы и поэзии – смогли осуществиться только при действенной помощи Варвары Дмитриевны Бубновой.

Заботы о хлебе насущном, преподавание русского языка не могли заглушить тягу к изобразительному искусству. Она выставлялась на японских выставках со своими живописными работами, писала статьи о русском искусстве для японских изданий. В 1925 г. было создано Японско-русское литературно-художественное общество, активным членом которого она стала. Именно усилиями этого общества в 1927 г. в Японии была открыта выставка советских художников, куратором которой был Николай Николаевич Пунин, который содействовал изданию книги Матвея. Когда он уезжал, она передала А. Ахматовой, которую в молодости слушала вместе с Матвеем, японский шелковый шарф, тот, в котором позднее был написан портрет Ахматовой Н. Альтманом. Советские художники привезли 400 работ – в том числе и произведения палехского промысла, детские книги. Экспонирование и развеску картин Пунин поручил Бубновой. Выставка получила оглушительный успех.

Бубнова не оставляла работу художника. Когда в 1932 г. в Японии была открыта выставка

графиков, она представила свои работы в технике литографии. Ее работы оказались столь заметными для японской общественности, что уже в следующем году она удостоилась персональной выставки (1933).

Помогая японским русистам в переводах русских поэтов, она участвовала и в иллюстрировании их изданий. Так в 1934 г. вышел в переводе Никаяма Седзабуро «Гробовщик» А. С. Пушкина. Иллюстрации сделала Варвара Дмитриевна. Сделала она иллюстрации и к книгам на японском языке «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Шинель» Гоголя. К 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина в Японии были изданы книги этого автора, любовь к которому во многом была связана с пропагандистской работой Бубновой. Эти книги иллюстрировала в основном Варвара Дмитриевна.

При этом Бубнова завоевала признание как яркий представитель искусства каллиграфии, и многие японские художники считали ее своим учителем. Попутно она изучала традиционное японское искусство и достигла и в этом направлении выдающихся успехов. Например, на выставке «Кокуга-кай» в 1936 г., на которой экспонировались произведения в японской стилистике, ее работы были признаны лучшими. А вскоре она была принята в члены общества художников «Кокуга-кай». О себе она писала: «Знакомясь с искусством разных народов, проникая в его образный слой, мы обогащаем свой художественный опыт. В своей работе – в портретах, пейзажах, в сценах народной жизни – я сохранила принципы русской школы, но изучение японского искусства меня многому научило, расширив изобразительные возможности графического языка» (цит. по: [1, с. 165]).

Казалось бы, в судьбе Бубновой все налажилось, но передышка была недолгой. Началась Вторая мировая война. И понятно, что человеку из России трудно было жить в стране, воюющей с ней: японцам могло принести неприятности даже общение с Бубновой.

С работой были сложности: закрылось русское отделение в университете Васэда, сократились часы в Институте иностранных языков. К тому же именно в это время умер сын Ани, и ее японский муж ушел от нее. Пришлось младшей сестре, из-за которой Варвара Дмитриевна приехала в Японию, переселиться в семью Бубновой. Аня стала давать уроки музыки. Так Бубнову стали окружать музыканты. И она стала их рисовать, так как без работы жить не могла. Она писала картины, иллюстрации – все то, что ее окружало. Японию бомбили американцы, многие дома были разрушены. Разрушен был и дом Бубновой, погибли многие ее работы. Главное –

погиб литографский санок. Беда, как известно, не приходит одна. В 1940 г. умерла мать Бубновой, а в 1946 г. – ее муж Владимир Александрович Головщиков.

Сестры стали искать помещения для мастерской Варвары Дмитриевны и класс для занятий Анны. Неожиданно им помог муж Ани: он разрешил поселиться им с его новой семьей. Бубнова постаралась приобрести печатный станок, и снова закипела работа.

Как ни странно, интерес к культуре России отнюдь не прекратился: в 1946 г. стало выходить полное собрание произведений Л. Толстого в 23 томах, сказки А. С. Пушкина, а также произведения советских авторов – Федина, Леонова, Фадеева, Шолохова, произведения детской литературы. Многие из этих книг иллюстрировались Бубновой. В 1949 г. было организовано Общество японо-советской дружбы. В Токио была открыта книжная лавка, в которой продавались русские книги. Снова оказались востребованы знания Бубновой – она стала преподавать на курсах русского языка. В Токийском университете Васэда возобновились ее курсы. Так, пережив ужасы войны, Варвара Дмитриевна снова входила в нормальную жизнь – работала, приобретала книги, помогала японским переводчикам-русистам. Когда в 1949 г. в Японии отмечали 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина, переводчики не могли обойтись без профессиональных, глубоких и серьезных советов Бубновой. Она и сама написала статью «Гениальный национальный поэт Пушкин». Статья эта была напечатана в ведущем японском журнале. Кроме того, она прочитала доклад на вечере в Русском клубе «Пушкин в борьбе со старым миром». Когда ей исполнилось 70 лет (по традиции преподавателей в этом возрасте в Японии провожают на пенсию), студенты просили оставить ее на работе.

Наступил момент, когда накопленные впечатления должны были отлиться в мемуарах, которые она назвала «Мой „Вишневый сад“». В них она писала: «Не знаю, на всякой ли чужбине возможно найти полезный и интересный труд и душевное равновесие. Мне думается – не на всякой, и я благодарна Японии за то, что она дала мне возможность найти эти блага» (цит. по: [1, с. 188]).

Постоянно проявляя себя как художник, она создавала многообразные работы, которые показывались на выставках. Теперь она стала жить в деревне в японской глубинке, изображая быт и жизнь крестьян. Постоянно выставляясь на выставках, к 50-летию ее творческой деятельности в Японии была организована Шестая персональная выставка с 60 ее работами. Об этой

выставке написали почти все японские газеты и художественные журналы. Успех! Но, как всегда, он бывает недолгим и может быть омрачен другими событиями. В это время умер муж старшей сестры Маши, которая из-за болезни мужа переехала в Сухуми, и она попросила Варвару Дмитриевну приехать к ней. 12 июля 1958 г. в университете Васэда был устроен прощальный вечер. В 72 года Варвара Дмитриевна вернулась на Родину. Следует напомнить, что и ее сестра Анна также сделала блестящую карьеру. За заслуги перед Японией в музыкальной педагогике она была удостоена престижного ордена Священного сокровища четвертой степени в 1959 г. Но, как и сестра, приехала домой.

Варвара Дмитриевна не прекратила творческую деятельность. В 1959 г. она была принята Союз художников Грузии, а для этого надо было показывать свои работы. В 1960 г. в Тбилиси была организована ее персональная выставка, в 1961 г. состоялась ее выставка в Москве, некоторые работы из которой были показаны в разных городах Советского Союза. Деятельная натура Бубновой проявлялась в том, что она ездила со своими работами и после каждой выставки оставляла работы в тех городах, где проходила выставка. Когда ей исполнилось 80 лет, она была удостоена звания заслуженного художника Грузии.

В 1979 г. умерла ее сестра Анна, и Варвара Дмитриевна переехала в Ленинград. Здесь, в городе, в котором она родилась, в Ленинградском отделении Союза художников ей устроили персональную выставку к ее 95-летию.

Память о Варваре Дмитриевне Бубновой хранят как у нас в стране, так и в Японии. Многие японские художники и переводчики навещали ее в Ленинграде. В 1982 г. в Токио было принято решение о награждении ее орденом Драгоценной Короны четвертой степени за заслуги в области расширения изучения русского языка и повышении уровня знания русской литературы в Японии. Однако присутствовать на церемонии вручения, которая проходила 9 июля 1982 г. в японском консульстве в Ленинграде, она не могла по болезни. Через год, в 1983 г., ее не стало. Она умерла в возрасте 97 лет.

Но судьба ее поучительна, ярко и прекрасно связав две страны – Россию и Японию.

Список литературы

1. Кожевникова И. П. Варвара Бубнова – русский художник в Японии. Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984. 224 с.
2. Золотой век художественных объединений в России и СССР / сост. Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкина. Санкт-Петербург: Изд-во Чернышева, 1992. 400 с.

References

1. Kozhevnikova I. P. Russian artist in Japan Varvara Bubnova. Moscow: Nauka, Oriental lit. main edition, 1984. 224 (in Russ.).
2. Severyukhin D. Ya. (comp.); Leikina O. L. (comp.) Golden age of art associations in Russia and Soviet Union. Saint Petersburg: Chernyshev publ. house, 1992. 400 (in Russ.).